

народнаго творчества, какимъ немногія литературы могутъ похвалиться.

Изученіе народныхъ обычаевъ, обрядовъ, суевѣрій и проч. было наименѣе организовано: задача была труднѣе, и для выполненія ея нужно было больше вниманія и больше теоретическаго пониманія дѣла. Матеріалъ состоитъ въ особенности въ отдѣльных описаніяхъ; но и здѣсь онъ былъ собранъ въ значительномъ количествѣ и отчасти комментированъ. Таковы были старыя книги Снегирева, Сахарова, Терещенка, Даля; богатые „Этнографическіе сборники“ и „Записки по отдѣленію этнографіи“ географическаго общества; далѣе, сборники народныхъ заклатій и заговоровъ, загадокъ, народнаго календаря, суевѣрій и т. п.; описанія отдѣльных разрядовъ обычаевъ (напр., особенно обычаевъ свадебныхъ) по различнымъ мѣстностямъ и т. д. Въ послѣднее время особенное вниманіе собирателей и изслѣдователей привлекли обычаи юридическіе, и здѣсь множество важнаго матеріала и объясненій собрано въ работахъ Е. Якушкина, Матвѣева, г. и г-жи Ефименко, Пахмана и др.

Съ новой литературой послѣ Петра, образовался новый литературный языкъ—уже на основѣ живой народной рѣчи и все больше освобождаясь отъ церковно-славянскихъ формъ, тяготящихся надъ книжнымъ языкомъ древняго періода. Но притокъ новыхъ понятій естественно все больше и больше отдалялъ языкъ литературный отъ простонароднаго. Удаленіе ихъ другъ отъ друга было неизбежно по той простой причинѣ, что съ новыми понятіями былъ необходимъ запасъ новыхъ словъ и новыхъ оборотовъ—технической языкъ образованія всегда и вездѣ расходится съ первобытной рѣчью народнаго быта; но обогащаясь съ одной стороны, этотъ языкъ теряетъ съ другой, утрачивая свѣжесть и живую образность народной рѣчи. Дѣятели новой литературы, начиная уже съ Тредьяковского и Ломоносова, на самыхъ первыхъ порахъ инстинктивно чувствовали эти живыя свойства народной рѣчи, и желали воспользоваться ею для литературнаго языка. Позднѣе, этотъ инстинктъ все болѣе усиливался. Бывали книжники, которые, напротивъ, боялись или пренебрегали народнымъ языкомъ, настаивая на церковно-славянскомъ преданіи, или на напыщенномъ стилѣ ложнаго классицизма; но глубоко коренившійся инстинктъ пробивался у самыхъ упорныхъ псевдо-классиковъ. Съ другой стороны, рано возникаетъ научный интересъ къ народному языку. Академическіе путешественники по Россіи, какъ упомянутые Лепехинъ, Озередковскій и др. и не-академическіе, какъ открытый недавно Челищевъ, собираютъ